

МЕСТО США В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ТУРЦИИ

АРСЛАН ГУРБАНГЕЛЬДИЕВ

МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

Резюме

В начале XXI века политический ландшафт в Турции существенно изменился. Подъем Партии справедливости и развития способствовал ослаблению традиционного влияния вооруженных сил на формирование государственной политики. Укрепление позиций гражданских властей сопровождалось отказом от традиционной светской ориентации Турции. Усиление происламской Партии справедливости и развития ознаменовало отход от кемалистской парадигмы развития страны. Вслед за внутривластными изменениями наметилась смена и внешнеполитической ориентации страны. Турция стремиться к наращиванию собственных позиций в качестве регионального центра силы на Ближнем Востоке. Однако за первыми успехами последовало ослабление реальных внешнеполитических возможностей Турции. В условиях обострения противостояния между различными группами в регионе ее политика по сирийской проблеме изолировала ее от шиитского блока, а поддержка – «Братьев-мусульман» в Египте ухудшила отношения с Саудовской Аравией. Ослабление связей с Западом и прежде всего с Соединенными Штатами еще более ухудшало международное положение республики.

Наконец, в последние годы наметился рост противоречий Анкары с еще одним традиционным партнером – Тель-Авивом. В это же время в самой Турции обозначилась тенденция к усилению авторитарности в деятельности Партии справедливости и развития во главе с Р. Эрдоганом. В контексте устранения угрозы со стороны военных, она стала прибегать к консолидации своего влияния всеми доступными средствами, в том числе путем давления на правоохранительные органы и средства массовой информации.

Развитие обозначенных тенденций во внутренней и внешней политике Турции происходило под пристальным вниманием Вашингтона. Соединенные Штаты долгое время спокойно относились к происходящим в стране переменам. Вместе с тем в последнее время наметился рост обеспокоенности с его стороны тенденция роста авторитарности в Анкаре и ее чрезмерной самостоятельностью на Ближнем Востоке.

Ключевые слова:

США; Турция; Ближний Восток; Партия справедливости и развития; внешнеполитическая стратегия; демократическое правление; авторитарный режим.

Правление Партии справедливости и развития (ПСР) в Турции ознаменовалось рядом политических реформ, в ходе которых произошел «сдвиг» политической «оси» в трех направлениях. *Во-первых*, произошло смещение влияния при принятии

политических решений от военного руководства к гражданскому правительству. Оно было окончательно закреплено 12 сентября 2010 года, когда по результатам референдума Парламент Турции получил право принятия новой Конституции¹.

¹ В 1982 году военной верхушкой, пришедшей к власти после государственного переворота 1980 года, была принята Конституция Турции, действующая по сей день.

Для связи с автором / Corresponding author:
Email: agurbangeldiyevich@gmail.com

Во-вторых, «сдвиг» воплотился в переносе центра тяжести внешнеполитического курса Турции с Запада на Восток. Основатели ПСР стремились возродить программу «Милли Герюш» – движения политического ислама, выражавшего радикальную идеологию. Лидеры партии, обещавшие избирателям в период предвыборной кампании сохранить светскость государства и курс на европеизацию, были «выходцами» из этого движения. *В-третьих*, наметилась постепенная деформация демократического строя Турции в сторону установления авторитарного режима ПСР.

1

С момента вступления Турции в НАТО Вашингтон все вопросы, связанные с Анкарой, решал через взаимодействие с ее военным руководством при формальном участии гражданского правительства [Harris 2000: 197]. Сотрудничество турецкой армии с Вашингтоном дало возможность военной элите страны вмешиваться в систему управления государством и доминировать при принятии политических решений. Во второй половине прошлого столетия взаимоотношения США и Турции были прерогативой преимущественно их военных ведомств.

В период «холодной войны» стратегическая значимость для Соединенных Штатов Турецкой республики была столь велика, что Вашингтон терпимо относился к недемократическим событиям внутри страны [Сотниченко 2009: 174]. Как следствие ряда военных переворотов развитие турецкой демократии имело прерывистый характер². Психологическому подавлению политических оппонентов способствовала активно демонстрировавшаяся «дружба» турецкого военного руководства с Вашингтоном [Сотниченко 2009: 179]. Особое значение имели визиты турецких генералов в США накануне государственных переворотов.

Турецкая армия, воспитанная на идеях кемализма, была гарантом светского и западного пути развития страны, а членство в НАТО позволило искоренить все следы прежних радикальных исламских тенденций. Вашингтон делал большую ставку на турецкие вооруженные силы, учитывая их модернизирующую роль на национальном уровне и вклад в межблоковый баланс сил.

После «холодной войны» политика расширения влияния США в НАТО и ЕС за счет укрепления новых демократических государств обусловила разработку концепции «распространения демократии» [Войтоловский 2005]. В Турции, входившей в состав Североатлантического альянса, военные перевороты теперь стали рассматриваться как недопустимые, поскольку в новых условиях объединение призвано было демонстрировать лучшие практики демократии. Вашингтону было бы трудно объяснить мировому сообществу недемократические действия столь близкого партнера, как турецкой армии, поэтому официально США выступали против любых политических изменений с участием военных.

Между тем, активно поддерживая демократические реформы в Турции, связанные со вступлением в ЕС, Соединенные Штаты сохранили прежние отношения с турецкой военной элитой [Kigu 2012], действия которой совпадали с их собственными интересами. Так, если главной целью государственного переворота 1980 г. была ликвидация коммунистического движения Турции, представлявшего тогда угрозу американскому влиянию в стране, то «постмодернистский переворот»³ 1997 г. был направлен против политического ислама – нового идеологического оппонента Вашингтона [Eligur 2010]. Сложившиеся взаимоотношения между военными двух стран создавали США репутационные проблемы, но в конечном счете оставались выгодными.

² TBMM Darbeleri ve Muhtıraları Araştırma Komisyonu Raporu // Kasım 2012.

³ В 1997 году военное командование страны, традиционно защищавшее светский характер государства, добилось добровольной отставки происламского правительства во главе с Н. Эрбаканом, оказывая давление посредством резких официальных заявлений в его адрес.

Спустя пять лет после переворота 1997 г. к власти в Анкаре пришла происламская Партия справедливости и развития (2002). Разногласия между Вашингтоном и новым турецким руководством проявились в 2003 году, когда 1 марта Великое национальное собрание Турции (ВНСТ) приняло решение отказать администрации Дж. Буша-мл. в предоставлении территории страны для размещения американских войск в рамках планировавшейся военной кампании против Ирака. Столкнувшись с таким противодействием, Вашингтон счел, что оно исходит не со стороны Парламента Турции, а ее генерального штаба.

На первый взгляд, сложившаяся ситуация представлялась неожиданной в свете исторического опыта взаимодействия двух стран. В то же время она вписывалась в логику глобальных трансформаций, наблюдавшихся на заре XXI столетия. После терактов 11 сентября 2001 г. США приняли «Стратегию национальной безопасности», главным направлением которой была объявлена «борьба против террора». Нападения на Нью-Йорк и Вашингтон американская общественность воспринимала как зло, исходящее преимущественно от радикальных мусульман. Соответственно, «борьба против террора» подразумевала искоренение террористов прежде всего мусульманского происхождения, в особенности на Ближнем Востоке.

Американская политика на ближневосточном направлении требовала опоры на надежного союзника, исповедовавшего умеренный политический ислам. Турция, совмещавшая светскость, демократию и ислам, идеально подходила для решения этой задачи. В сложившихся условиях военная элита Турции, находившаяся в противостоянии с политическим исламом, впервые оказалась лишней фигурой.

Кризис 1 марта впоследствии отразился на сотрудничестве военных ведомств двух стран. Рост недовольства администрации США в адрес турецких вооруженных сил спровоцировал «сдвиг» внутривнутриполитического баланса в Анкаре от военного руководства в пользу гражданского правительства. В конечном счете он привел к ликвидации военного доминирования [Aliriza, Aras 2012].

В дальнейшем разногласия между военными ведомствами США и Турции расширились вследствие инцидента, известного как «событие под капюшоном»⁴: 4 июля 2003 г. военнослужащие 173-ей воздушно-десантной бригады армии США арестовали 11 представителей турецких сил специального назначения в иракской провинции Сулеймания. Некоторыми политиками и экспертами в Турции это событие было воспринято как ответ США на отказ Анкары от поддержки американской операции в Ираке [Öumen 2012: 55].

Известный политический обозреватель Ф. Бала в книге «Иракские войны в Анкаре» писал, что Генштаб Турции проявил сознательную пассивность и безучастность в процессе принятия решения Парламентом [Bala 2007: 214]. Тогдашний главнокомандующий вооруженными силами Хильми Озкёк в одном из интервью впоследствии рассказал, что «правительство Турции было в полной мере информировано о решении военных. Однако публичное обнародование решения Генштаба было бы расценено на тот момент как оказание давления на правительство, что недопустимо в демократическом обществе»⁵.

Между тем позиция, оглашенная Великим национальным собранием, американским экспертным сообществом была воспринята как идеологически обусловленная, происламская, непрагматичная и нерацио-

⁴ При аресте на головы турецких спецназовцев американскими солдатами были надеты мешки, что стало основанием для названия инцидента, как «события под капюшоном». Пентагон обосновал действия своих военных тем, что у них была информация об участии турецкого спецназа в подготовке к покушению на губернатора Киркука. Однако, руководство ТВС полностью ее опровергло. Через двое суток после длительных телефонных переговоров турецкие солдаты были переданы своей стране, но ни Вашингтон, ни Анкара официальных заявлений по этому поводу не сделали [Eligur 2006]

⁵ Bala F. Hilmi Ozkok ile mulakat // Milliyet. 19.05.2011.

нальная [Cooley 2005: 84]. Соединенные Штаты не устраивало, что Партия справедливости и развития проводила независимую внешнюю политику за счет поддержки консервативных мусульман. США, пропагандировавшие демократические ценности, должны были бы испытывать удивление инициативой турецкого Парламента. В то же время нарастающее освоение демократии исламскими силами позволяло им поставить собственные интересы выше пожеланий заокеанского союзника, что могло ограничить влияние Вашингтона на политическую элиту мусульманских государств [Girdner 2005].

Одновременно проведенные Партией справедливости и развития экономические и политические реформы, особенно в рамках подготовки вхождения в ЕС, смягчили реакцию США на происламскую идеологию правительства. По крайней мере *политический* ислам в Турции воспринимался как умеренный. Учитывая социально-политические изменения в стране, трансформацию модели военно-политических отношений и лишение турецкой армейской элиты прежней политической влиятельности, Вашингтон решил изменить форму влияния на политические процессы внутри Турции в пользу поддержки демократических механизмов [Примаков и др. 2012: 9].

На фоне этой эволюции противостояние между турецким правительством и генштабом усиливалось к нарастающему недовольству последнего. В апреле 2007 г. в связи со сложностями при избрании президента Парламентом страны внутриполитическая ситуация оказалась нестабильной⁶. В этот момент военными Турции была предпринята попытка переломить ход событий [Kuru 2012]. В ситуации, когда Партия справедливости и развития актив-

но стремилась провести в президентское кресло своего представителя, а руководство Парламента и Правительства уже было сформировано ее членами, генералитет увидел угрозу светскому строю Турции.

27 апреля было опубликовано официальное заявление на сайте генштаба, выражавшее недовольство исламизацией турецкой политики⁷. Если раньше после подобных заявлений военного ведомства правительство подавало в отставку, то на этот раз Партия справедливости и развития обвинила генеральный штаб в превышении полномочий и приняла решение о проведении 22 июля того же года досрочных парламентских выборов. В июне шла активная предвыборная кампания, и параллельно ей турецкая полиция провела операцию «Эргенекон». Она позволила заключить под стражу высокопоставленных руководителей вооруженных сил, обвиненных в попытке государственного переворота.

22 июля Партия справедливости и развития победила на выборах, набрав 46% голосов избирателей и еще более укрепив свои позиции. В результате она взяла под контроль ведение уголовных дел против военных. 28 августа на президентских выборах в Парламенте страны победил кандидат от ПСР А. Гюль [Киреев 2008: 87], и, буквально на следующий день, 29 августа генштаб снял прежде опубликованное заявление со своего сайта.

За короткий срок Партия справедливости и развития превратила военную элиту в объект публичной критики. Образ армии, обладавшей в Турции традиционно высоким авторитетом и пользовавшейся наибольшим среди государственных институтов доверием общества, был дискредитирован. В подконтрольных правительству

⁶ В апреле 2007 года в Парламенте Турции были проведены очередные президентские выборы. Несмотря на то, что за кандидата от ПСР проголосовали наибольшее количество депутатов, выборы не состоялись, поскольку ни один из претендентов не набрал необходимого количества голосов (367) в соответствии с Конституцией. К этому времени главы правительства и Парламента были членами ПСР.

⁷ 27 апреля 2007 году на сайте турецкого Генштаба появилось сообщение для печати, в котором отмечался «рост активности некоторых кругов в их упорном и постоянном стремлении подорвать фундаментальные ценности государства, прежде всего светскость». [Киреев 2008, 85].

СМИ публиковались многочисленные материалы, в которых приводились примеры произвола и безответственного поведения личного состава, рассказывалось о подготовке заговоров, планов по дестабилизации политической обстановки в стране и свержению правительства [Примаков и др. 2012: 12-13].

Сознательно ограничивая свое влияние, Соединенные Штаты с осторожностью наблюдали за событиями внутри Турции. В стране велась активная чистка рядов вооруженных сил в результате массового заведения уголовных дел против офицеров («Эргенекон», план «Балиоз» или «Молот») по обвинению в насильственной смене конституционного строя страны.

С целью предотвращения нового недемократического вмешательства военных в политические процессы страны и укрепления своей позиции Партия справедливости и развития принялась за изменение Конституции. После референдума в сентябре 2010 года, когда большая часть населения проголосовала «за» ее реформирование, началась разработка нового варианта, который должен был сменить основной закон, принятый еще в 1982 г. военной верхушкой. Спустя почти год, после очередной победы Партии справедливости и развития на парламентских выборах, доминирующая военно-политическая система «капитулировала» перед гражданской властью после длительного противостояния. 29 июля 2011 г. руководство турецких вооруженных сил организовано в полном составе подало в отставку, что стало своего рода «тестом на демократию» для Турции [Примаков и др. 2012: 13].

На протяжении второй половины XX столетия турецкий генеральный штаб, находившийся под влиянием США, был доминирующей политической силой в стране. Военные систематически вмешивались в политику Турции в тех случаях, когда видели опасность отказа от светского и прозападного пути [Казанцев 2009: 162]. В начале XXI века в течение первых двух сроков

правления Партии справедливости и развития удалось одержать верх над старой светской элитой, отодвинув ее от рычагов реального влияния и серьезно дискредитировав в глазах общества [Примаков и др. 2012: 9], что способствовало запланированному новым правительством смещению акцентов во внешнеполитическом курсе Турции с Запада на Восток.

2

В начале XXI века Анкара в рамках внешнеполитической стратегии «ноль проблем с соседями» начала активно развивать политические, военные, дипломатические и торгово-экономические связи с соседними государствами. Такая политика была призвана, используя инструменты «мягкой силы», превратить Турцию во влиятельного регионального игрока. Заметно активизировалась ее деятельность в Организации исламского сотрудничества (ОИС), целью которой провозглашалось соиздательное участие в развитии актуальных процессов как в мусульманском мире, так и на международной арене в целом. Партия справедливости и развития рассматривала ОИС «как важный стратегический инструмент своей внешней политики»⁸.

Турецкая республика предприняла активные шаги в сторону сближения с арабским миром. Основные возможности наращивания ее влияния на внешнеполитическое поведение арабских стран были связаны с посреднической деятельностью в урегулировании арабо-израильского конфликта [Демченко 2011: 53]. Развитие событий в регионе сблизило Турцию и Сирию, отношения с которой долгое время были сложными из-за разногласий по курдскому вопросу [Дружиловский 2008: 265]. Двустороннее соглашение, подписанное в 1998 году, в рамках которого сирийское руководство обязалось прекратить оказывать помощь Рабочей партии Курдистана и выдать всех, находящихся на территории страны ее лидеров, было реализовано только с приходом к власти

⁸ С 2004–2014 годы ОИС возглавлял представитель Турции Э. Ихсаноглу. [Ihsanoğlu 2013].

Партии справедливости и развития. В январе 2004 г. глава Сирии впервые после Второй мировой войны с официальным визитом посетил Турцию. Это было историческое событие, во время которого стороны обсудили общие проблемы и нашли точки соприкосновения по ряду вопросов. В декабре того же года премьер-министр Турции совершил ответный визит в Дамаск, где было подписано соглашение о свободной торговле. Стороны также договорились развивать отношения во всех областях.

Впоследствии, несмотря на растущее давление со стороны Вашингтона, стремившегося воспрепятствовать развитию турецко-сирийских отношений, были организованы новые встречи лидеров двух государств, в ходе которых президент Б. Асад не раз давал понять, что, учитывая нарастающую напряженность в арабо-израильском конфликте, ситуацию в Ливане и Ираке, Дамаск в лице Анкары ищет союзника. Оттепель во взаимоотношениях двух стран позднее позволила Турции играть роль посредника в переговорах между Сирией и Израилем по статусу Голанских высот.

Параллельно турецкое правительство активизировало расширение сотрудничества с Саудовской Аравией и Египтом. Были проведены официальные визиты и встречи на высшем уровне, в ходе которых стороны подписали ряд соглашений о взаимодействии в торгово-экономической области, по энергетике и региональной безопасности. Страны договорились о совместных действиях по ускорению арабо-израильского мирного процесса.

Особый смысл обрели отношения между Тегераном и Анкарой. Турецко-иранские отношения после Исламской революции 1979 г. были натянутыми вплоть до 2002 года. С приходом Партии справедливости и развития обновилось и усилилось сотрудничество, прежде всего по вопросам безопасности: стороны пришли к общему мне-

нию по курдскому вопросу, когда иранское правительство признало Рабочую партию Курдистана террористической организацией. В свою очередь, Тегеран рассчитывал на поддержку со стороны Анкары в ситуации вокруг иранского ядерного догоса. Турецко-иранский диалог был подкреплен также наращиванием двусторонних торгово-экономических связей и сотрудничеством в сфере энергетики [Надеин-Раевский 2006: 106-110].

С приходом к власти Партии справедливости и развития Турция активно и плодотворно налаживала с мусульманскими странами региона отношения во всех сферах, в то время, как сотрудничество с Израилем неуклонно шло на спад. С 1996 г. Анкара поддерживала с Тель-Авивом тесные связи, особенно в области обороны и разведки. Тем не менее турецко-израильские отношения существенно обострились в 2004 г. после резких заявлений премьер-министра Турции Р. Эрдогана по поводу применения Израилем силовых методов в процессе ближневосточного урегулирования. Руководитель турецкого правительства назвал политику соседней страны близкой к «государственному терроризму». Еще большие подозрения Израиля вызывало то, что Партия справедливости и развития стремилась наладить более тесные отношения с палестинским руководством [Иванова 2012: 111].

Помимо Ближнего Востока, не менее активную политику Турция вела и на африканском континенте, ранее не являвшемся значимым направлением ее международной стратегии. В 2010-2011 годах в Африке была открыта 21 дипломатическая миссия и заключены торговые соглашения с ЮАР, Демократической Республикой Конго и Камеруном⁹.

Очевидно, что с началом XXI века, в сравнении с веком прошлым, Турция стала более уверенно оценивать свои возможности в системе международных отношений,

⁹ U.S.–Turkey Relations A New Partnership. Independent Task Force Report No. 69 Chaired by M.K. Albright, S.J. Hadley // Council on Foreign Relations. May, 2012. P. 30. URL: <http://www.cfr.org/region/turkey/ri358>

жаять стать значимой политической фигурой [Шаклеина 2013: 293]. Стремление Турции участвовать в разрешении конфликтов в регионе и мире заставило многих пересмотреть отношение к ней, в том числе и США.

Действия Партии справедливости и развития начали вызывать недоверие у Вашингтона, и без того скептически относящегося к политическому исламу после терактов 11 сентября. Возможно, Р. Эрдоган, как гарант турецкой демократии в глазах американской администрации, решил изменить свои политические взгляды. После его резких заявлений, особенно против правительства Израиля, у представителей американского экспертного сообщества возник вопрос, не являются ли он и его соратники тайными «исламистами»? Не отвернется ли Турция от Запада и США после того, как окрепнет за счет сотрудничества с ними? Не использует ли Турция процесс вступления в ЕС для расширения своих политических возможностей?

Начались дискуссии по поводу смещения внешнеполитического курса страны с Запада на Восток. В подтверждение этого наблюдения эксперты выявили четыре фактора [Cornell 2011]. *Во-первых*, с 2000-х годов была отмечена стремительная смена ориентации турецкой экономики. Ближний Восток стал объектом масштабных турецких инвестиций, объем которых превысил инвестиции на Запад.

В 2002 году, когда Партия справедливости и развития пришла к власти, валовой внутренний продукт Турции (ВВП) составлял 231 млрд долларов, тогда как в 2010 г. он уже составил 736 млрд, то есть увеличился в 3 раза. В 2002–2007 годах экономика Турции росла в среднем более чем на 6% в год. Объем экспорта увеличился более чем в 3 раза, годовая инфляция снизилась с максимального значения в 1990 году (60–80%) до 6–10%. Соответственно, резко снизи-

лись и процентные ставки. В 2010 г. ВВП увеличился на 9%, утвердив Турцию в десятке самых быстрорастущих мировых экономик. Объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ), составивший 684 млн долларов в 1990 году, вырос до 9,1 млрд в 2010 году¹⁰. Объем торговли Турции со странами Ближнего Востока в 2012 году составил 26% от общего объема внешней торговли¹¹. В 2012 г. Турция заняла 16-е место по уровню экономического развития в мире, что явилось важнейшим стимулом роста национальной уверенности и отразилось на поведении государства в мире.

Во-вторых, возникшие после событий 11 сентября антимусульманские настроения на Западе не прошли бесследно и для Турции. Рост негативного отношения в европейских странах к исламу и его приверженцам спровоцировал отрицательную ответную реакцию турецкого населения [Надеин-Раевский 2012]. На фоне длительных и не особенно успешных переговоров по поводу вступления Турции в ЕС проводимых с 1999 года, чувство приверженности турецкого народа сближению с Западом было значительно ослаблено. Как писал российский исследователь В.С. Надеин-Раевский, турецкому «развороту “на Восток” способствовали неудачи на Западе, в том числе в сфере европейской интеграции, в поддержку которой с невиданным ранее энтузиазмом выступала ПСР» [Надеин-Раевский 2012].

В-третьих, проведение активной внешнеполитической деятельности в регионе и вступление в «группу двадцати» позволили Анкаре заявить о себе, как о глобальном «игроке». В своем выступлении в 2009 г. в Сараеве министр иностранных дел страны А. Давутоглу заявил, что Балканы, Кавказ и Ближний Восток, объединенные с Турцией, в будущем должны стать центром мировой политики¹². Эти «неосманские» амбиции позволили Турции в 2010 г. при

¹⁰ U.S.–Turkey Relations A New Partnership. Independent Task Force Report. P. 18.

¹¹ Там же. P. 30.

¹² Bosnian Serb Party officials Slam Turkish FM's 'Ottoman Balkans' Remarks, BBC Monitoring Europe, 29 October 2009. URL: <http://www.accessmylibrary.com/article-1G1-210839069/bosnian-serb-party-officials.html>

голосовании в Совете Безопасности ООН по вопросу ядерной политики Ирана, оппонировать постоянным его членам [Cornell 2011: 5].

В-четвертых, произошло изменение идеологии Турецкой республики. На Ближнем Востоке Анкара сменила позицию «посредника» на позицию «сторонника», что объяснялось непосредственной принадлежностью к исламскому миру. К примеру, поддерживая действия ХАМАСа в секторе Газа и правительства Аль-Башира в Судане, Турция вступала в противоречия с Израилем [Иванова 2012: 112].

Первым, кто выступил против сдвига внешнеполитической ориентации Турции, стало само правительство Турции. Р. Эрдоган, неоднократно называл сторонников переориентации на Ближний Восток «...непонимающими новую внешнеполитическую стратегию Турции и ее многомерную политику», аргументируя свою позицию тем, что правительство страны продолжало неустанно работать над процессом вступления в ЕС¹³. Параллельно глава турецкого МИД А. Давутоглу ответил критикам метафорой, сравнивая внешнеполитическое поведение Турции с «луком и стрелой»: чем сильнее будет натянута тетива вглубь Азии, тем дальше и точнее будет лететь стрела в сторону Европы. Другими словами, чем сильнее и надёжней будет положение Турции в Азии, тем влиятельней она будет и в Европе. Подобная логика имеет параллели в истории страны – точно так же, как если бы сельджуки не смогли укрепиться в Азии, то не смогла бы Османская Империя расширяться до Европы [Davutoglu 2009: 193]. Однако верно и обратное: Турция без престижа на Западе, вряд ли сможет стать влиятельным лидером на Востоке.

По мнению российского специалиста по внешней политике Турции И.И. Ивановой, процесс фокусирования Турции на Ближнем Востоке вовсе не означает, что она повернулась спиной к Западу, поскольку главным вектором турецкой политики про-

должает оставаться вступление в ЕС на правах полноправного члена: «Этот процесс вовсе не является свидетельством «ползучей исламизации», как утверждают некоторые оппоненты. Новая деятельность Турции – это ответ на структурные перемены, которые произошли в ее окружении, и это может стать благоприятной возможностью для Вашингтона и западных союзников использовать страну как своего рода «мост» на Ближний Восток» [Иванова 2012: 52]. Подобный взгляд был отражен в трудах другого авторитетного исследователя В.С. Ягья: «Турция, не ограничивая связи с ЕС и США и не выходя из зоны Евроатлантического сообщества, стремится расширить отношения с афро-азиатским миром» [Ягья 2011: 183].

Наряду с российскими экспертами, схожее мнение выразил известный американский специалист по Турции, бывший сотрудник американской разведки Г. Фуллер. В 2004 г. он рекомендовал администрации США обратить особое внимание на новые преобразования в Турции. По его мнению, Вашингтон должен был понять, что, играя важную роль на Ближнем Востоке, Турция будет преследовать собственные интересы. Учитывая независимую внешнеполитическую позицию Анкары, они не всегда будут совпадать с американскими, но этот факт не должен вредить отношениям между двумя государствами. Он был убежден, что если Вашингтон не будет препятствовать формированию независимой региональной внешней политики Турции и не принуждать ее к прежней модели «попкорнового союзника», то она сможет внести свой вклад в стабильность региона, способствуя в том числе достижению целей США [Fuller 2004].

Другой американский политический обозреватель Ф. Стефенс, проанализировав изменения во внешнеполитическом курсе Турции, пришел к выводу, что: «в период «холодной войны», чтобы быть частью Запада, Турции нужно было выполнять требования Вашингтона. Сегодня она преследует собственные интересы, имеет собствен-

¹³ Erdogan criticizes EU // Turkey Star. 11.12.2009.

ные идеи, что не устраивает США и некоторые европейские страны, вызывая их раздражение. Они бы хотели предоставить Турции место за «западным столом» в обмен на «вечную благодарность». Но по иронии судьбы сегодняшняя, уверенная в себе Турция сама может предоставить большие возможности Западу, вместо послушания в прошлом. Самостоятельная Турция пользуется большим доверием на Ближнем Востоке и во всем исламском мире. Именно такую Турцию Запад не должен сегодня терять»¹⁴.

Очевидно, что активизация восточного вектора политики Анкары связана с приходом к власти Партии справедливости и развития. Однако до 2007 г. существовал мощный сдерживающий фактор в лице президента страны А.Н. Сезера – представителя светской элиты. После избрания его преемника А. Гюля, члена Партии справедливости и развития, а ранее – политического движения «Милли Геруш», сформировались условия для полной свободы действий правительства страны.

Дистанцируясь от Запада, Турция стала принимать самое активное участие в политической жизни ближневосточного региона. Однако рост культивируемых турецким руководством «неосманских» амбиций пробудил «постимперский синдром» у народов региона, в результате чего Анкара начала терять политическую поддержку стран «постосманского» пространства и постепенно замкнулась в себе.

Э

После операций «Эргенекон» и «Молот», положивших конец доминированию военных в политической жизни страны, и по результатам референдума 2010 года, предоставившего Парламенту право на изменение Конституции страны, Запад занял выжидательную позицию, стремясь разглядеть «истинное лицо» Партии справедливости и развития. Вашингтон все чаще задавался вопросами: как будет вести себя

самоуверенная Турция, если ее интересы не совпадут с американскими [Barkey, Abramowitz 2010]? Пойдут ли представители партии на реальные демократические реформы, неизбежно противоречащие авторитарным подходам ее лидера, или удовлетворятся сохранением и укреплением своей власти, упрочением наметившейся диспозиции [Примаков и др. 2012: 17]?

В период «арабской весны» многие страны Ближнего Востока приняли Турцию как модель для себя. Она, будучи исламским государством, с выраженной религиозно-демократической идентичностью, воспринималась как страна с большим потенциалом на региональном и глобальном уровнях. Планы США, связанные с обособлением Турции из числа мусульманских стран и отведением ей модельной роли, ощутили задел лидерские амбиции Ирана и Саудовской Аравии, привыкших считать себя главными в исламском мире. В конечном итоге отношения этих стран и Анкары стали натянутыми.

По вопросам урегулирования сирийского конфликта столкнулись интересы Турции и Ирана. Шиитский блок во главе с Тегераном, в состав которого входили Ирак и Ливан, оказывал поддержку режиму Б. Асада всеми возможными способами [Bakeer 2012]. В докладе Центра ситуационного анализа РАН, опубликованного в 2012 году, эксперты указывают, что соперничество Турции и Ирана в Ираке и Сирии может создать в будущем ощутимую угрозу конфликтов между суннитами и шиитами с риском распространения на весь регион в целом [Примаков и др. 2012: 36].

Турция не считала возможным мирное урегулирование конфликта в Сирии, при этом самостоятельное военное вмешательство ей было не по силам. Показательно в этой связи, что инцидент, связанный со сбитым сирийскими военными турецким самолетом остался без ответной реакции со стороны Анкары. Более того, для защиты

¹⁴ Stephens Ph. The West must offer Turkey a proper seat at the table // Financial Times, June 18, 2010. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/f80e8182-7a71-11df-9cd7-00144feabdc0.html#axzz2fNNWxHp3>

границы она была вынуждена обратиться к НАТО с просьбой обеспечить ее американскими зенитно-ракетными комплексами «Пэтриот»¹⁵.

Военное вмешательство Альянса Турция рассматривала как единственный способ разрешения конфликта. Между тем западные партнеры скептически относились к ее политике из-за отсутствия мер по блокированию незаконного перехода в Сирию через турецкую территорию сторонников террористических организаций «Аль Нусра» и ИГИЛ [Riccardione 2014].

После свержения режима Х. Мубарака в Египте Турция, признав власть «Братьев-мусульман», оказалась в конфронтации с суннитским блоком во главе с Саудовской Аравией, в состав которого входили ОАЭ, Бахрейн, Кувейт и Иордания. В то время как турецкое правительство оказывало поддержку преемнику Х. Мубарака умеренному исламисту М. Мурси, ее региональные оппоненты предоставили активную помощь генералу Абдульфеттаху аль-Сиси, возглавившему свержение власти «Братьев-мусульман» [Супонина 2014]. Саудовская Аравия и ее союзники оказали новому правительству Египта финансовую поддержку в размере 12 млрд долларов, что побудило Р. Эрдогана выступить с резкой критикой в их адрес.

Позднее турецкое правительство выступило с обвинениями Израиля в организации «военного переворота» в Каире, что стало причиной ужесточения отношений и с Белым домом¹⁶. Тем не менее турецкое руководство продолжало открыто критиковать свержение президента М. Мурси, называя событие «военным переворотом», что укрепило негативное восприятие Анкары со стороны нового египетского правительства.

В начале 2010-х годов политика Турции в отношении Сирии изолировала ее от шиитского блока, а в отношении Египта – от суннитского. Ранее дистанцировавшаяся

от Запада Анкара оказалась в невыгодном положении. Ее стремление стать лидером исламского мира испортило отношения не только с Ираном и Саудовской Аравией и их союзниками, но и с давним стратегическим партнером в регионе – Израилем. Турция оказалась перед дилеммой: с одной стороны, ей было выгодно сохранение прежних отношений с Тель-Авивом, с другой – на фоне арабо-израильского конфликта сотрудничество с ним лишало ее возможности выступать в роли модели в исламском мире. Выбрав последнее, руководство Партии справедливости и развития решило использовать конфликт с Израилем как инструмент для завоевания максимального количества голосов населения в своей предвыборной кампании [Ягья 2009: 133]. Выступления лидера партии, планировавшиеся как политический ход внутри страны, отразились и на внешней политике. В конечном счете турецко-израильские отношения резко охладели, а арабский мир принял Р. Эрдогана как «долгожданного лидера» мусульман. Вместе с тем, несмотря на разногласия, турецко-израильское сотрудничество в политической, военной, торгово-экономической сфере продолжало неуклонно развиваться и приносить Турции ощутимые дивиденды [Иванова 2008: 64].

Посредством популистических заявлений правительство Турции превратило стратегию внешнеполитической деятельности страны в инструмент поддержания внутреннего политического влияния. При этом внешнеполитические взгляды Р. Эрдогана не отличались последовательностью. К примеру, он и глава МИД Турции могли параллельно делать абсолютно противоречивые заявления. Когда А. Давутоглу заявлял, что сирийский кризис – это региональная проблема и должен быть разрешен внутри региона, премьер-министр обвинял НАТО в бездействии [Примаков и др. 2012: 72]. Другой пример –

¹⁵ РИА Новости. 13.11.2013.

¹⁶ Press Briefing by Principal Deputy Press Secretary Josh Earnest. The White House. Office of the Press Secretary. August 20, 2013.

Р. Эрдоган выражал возмущение по поводу вмешательства НАТО во внутренние дела Ливии, но некоторое время спустя Турция в составе Альянса приняла участие в свержении режима М. Каддафи [Dinçer, Yegin, Özertem 2011].

Резкие и непоследовательные высказывания руководителей Турции привели к снижению уровня ее дипломатических отношений с некоторыми странами ближневосточного региона вплоть до их прекращения. По этому поводу экс-министр иностранных дел Турции – первый представитель Партии справедливости и развития на этом посту – Я. Якыш, проработавший дипломатом в трех арабских странах, заявил, что его страна, будучи частью Ближнего Востока, совершенно не знакома с этим регионом, в отличие от Запада. Дипломат выступил с критикой в адрес правительства, упрекнув в отсутствии турецких послов в четырех наиболее значимых странах региона: Израиле, Египте, Сирии и Ливии [Denizli 2014]. Схожей позиции придерживался и турецкий политолог С. Лачинер. Он писал: «внешняя политика страны – это политика элитарного уровня, а обсуждение внешнеполитических вопросов на митингах перед народными массами приведет к полному развалу внешнеполитической стратегии Турции»¹⁷.

В упоминавшемся докладе ЦСА РАН указывалось, что «по мере реализации Турцией ее посреднической деятельности рельефно проявился разрыв между их “высоким профилем” и низкой результативностью. В частности, не получили развития турецкая инициатива обогащения иранского урана на своей территории, посредничество в переговорах между Сирией и Израилем по статусу Голанских высот, попытки подключиться к работе “ближневосточного квартета” (квартет по ближневосточному урегулированию в составе ЕС, России, США и ООН). Во всех этих ситуациях негативную роль сыграла переоценка турецкой дипломатией собственных возможностей, попытки вести собственную

игру вне сложившихся международных и региональных форматов» [Примаков и др. 2012: 30].

После победы на парламентских выборах в 2011 г. Партия справедливости и развития, набравшая почти 50% голосов избирателей, почувствовала твердую почву под ногами и начала реализовывать действия, означавшие регресс демократических реформ, достигнутых за первое десятилетие XXI века [Примаков и др. 2012: 13]. Недемократические действия в 2011–2014 годах, привели к изоляции Турции и ослаблению ее статуса «региональной державы». Если в первые годы правления Партии Анкара ставилась в пример всем странам Ближнего Востока, то сегодня, учитывая динамику внутривосточных событий, ее с каждым днем становилось все труднее называть светским, демократическим и прозападным государством.

По результатам референдума 2010 г. в Турции должна была быть принята новая Конституция, для разработки которой в Парламенте создавалась рабочая комиссия, состоявшая из представителей всех парламентских партий. Однако процесс по разработке обещанной демократической Конституции был приостановлен, в связи с постоянным нарушением Партией справедливости и развития регламента и срывами заседаний комиссии, также не были реализованы и другие результаты референдума. Она сознательно оттянула процесс принятия новой Конституции, надеясь на возрастающее преимущество своих депутатов в преддверии выборов 2015 года, которое могло позволить принять Конституцию в соответствующем их интересам виде. В планах Р. Эрдогана было изменение формы правления республики с парламентской на президентскую. В конечном счете, вместо выполнения данных народу обещаний, в правительстве начались дебаты по поводу перехода к новой форме правления, воспринятые обществом как выражение стремления к авторитарности лидера Партии справедливости и развития.

¹⁷ Laçiner S. AK Parti oy aldıkça zayıflıyor // Bugün gazetesi. 14.09.2014.

События вокруг парка «Геzi» в мае 2013 г. закрепили представления об авторитарности Р. Эрдогана – премьер-министр страны дал приказ о силовом подавлении демонстрантов, выразивших демократическое желание сохранить внешний облик своего города. После этих событий последовал коррупционный скандал 17 и 25 декабря, в котором были замешаны несколько министров правительства и их дети, в том числе, и сын самого премьера-министра. Для того чтобы сохранить власть Партия справедливости и развития начала чистки бюрократического аппарата от несогласных. Руководство страны буквально за несколько месяцев разрушило результаты десяти лет законодательных реформ, проводившихся в рамках подготовки к вступлению в ЕС: был принят закон о реорганизации турецких спецслужб (НРО), Высшего совета судей и прокуроров, закон о жестком контроле над интернет-ресурсами, о запрете широкого доступа к социальным сетям *Twitter, Facebook* и *YouTube*¹⁸.

Бывшие послы США в Анкаре М. Абрамовиц и Э. Эдельман в газете опубликовали в газете «Вашингтон пост» статью с призывом к администрации США обратить пристальное внимание на недемократические действия правительства Турции с целью не допустить их повторения в будущем. В содержании статьи авторы сделали акцент на то, каким образом Партия справедливости и развития изолировала генштаб от власти, а теперь на очереди чистка СМИ, делового сообщества и гражданских общественных организаций Турции. М. Абрамовиц и Э. Эдельман, подробно описав действия, предпринятые правительством для сокрытия коррупционного скандала (массовую «зачистку» полицейских, прокуроров и судей, запрет журналистам освещения событий в СМИ), уверены, что на самом деле все эти меры были направлены на подавление оппозицион-

ных взглядов в рядах государственной службы. По мнению американских дипломатов, отсутствие реакции со стороны администрации США во имя сохранения краткосрочных интересов ставит под угрозу долгосрочную стабильность Турции с ее шаткой демократией¹⁹.

В свою очередь редакция газеты «Уолл Стрит Джорнал» 13 сентября 2014 г. опубликовала резкую статью, в которой констатировалось, что Турция более не является стратегическим партнером США. Она рекомендовала Вашингтону заместить воздушную базу в Инджирлике (Турция) базами на территории Северного Ирака, заселенных преимущественно этническими курдами²⁰.

Отход от демократического строя в сторону авторитарного режима наложил негативный отпечаток на имидже Турции как на региональном, так и глобальном уровнях. С. Лачинер, известный турецкий эксперт по вопросам международной безопасности, отметив явные сдвиги внешнеполитического курса, в 2014 г. рекомендовал правительству следующее: «Турция, как было в недавнем прошлом, должна вернуться к посреднической роли на Ближнем Востоке, восстановить и сохранить диалог с Израилем, Египтом, Саудовской Аравией и Ираном»²¹.

Российский эксперт В. Надеин-Раевский в своих трудах обратил внимание, что «в турецком случае смена националистической ориентации на исламистскую, пусть и с модернистским уклоном, может привести к дефрагментации страны под воздействием трудноразрешимых проблем нового национально-государственного устройства. На данный момент Турция находится в начале этого драматического процесса, который неизбежно приведет к дальнейшей корректировке ее внешней политики» [Надеин-Раевский 2012].

¹⁸ CNN Turkey. 24.03.2014 URL: <http://www.cnnturk.com>

¹⁹ Abramowitz M. Edelman E. Miztal B. The United States needs to tell Turkey to change course // Washington Post. January 23, 2014.

²⁰ Our Non-Ally in Ankara // The Wall Street Journal. September 13, 2014. URL: <http://online.wsj.com/articles/our-non-ally-in-ankara-1410561462?KEYWORDS=turkey>

²¹ Laçiner S. AK Parti oy aldıkça zayıflıyor // Bugün gazetesi. 14.09.2014.

* * *

При рассмотрении сдвигов политической «оси» Турции, можно констатировать, что серьезные трансформации состоялись и приобрели необратимый характер. Неудачи внешней политики на Ближнем Востоке и отдаление от Запада привели к изоляции Анкары и переходу от демократического строя к авторитарному.

Турции необходимо четко определить краткосрочные внутривнутриполитические цели и, согласовав с ними долгосрочные внешнеполитические задачи, обеспечить развитие военного, дипломатического и экономического потенциалов, укрепление связей с западными и ближневосточными партнерами для выхода из «политического одиночества» в регионе.

Список литературы

- Войтоловский Ф.Г. Проблематика глобального управления в западной политологии // Международные процессы. – Том 3. Номер 1(7). – Январь–апрель 2005.
- Демченко А.В. Внешнеполитический процесс в странах Арабского Востока // Внешнеполитический процесс в странах Востока / Под ред. Д.В. Стрельцова – М.: Аспект Пресс, 2011.
- Дружиловский С.Б. Курдская проблема в Турции // Под ред. А.Д. Воскресенского Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные – М.: Аспект Пресс, 2008.
- Иванова И.И. Политика Турции на Ближнем Востоке // Турция на рубеже XX–XXI веков. / Отв. ред. И.В. Зайцева, Н.Ю. Ульченко – М.: ИВ РАН, 2008.
- Иванова И.И. Турецко–израильские отношения: новые тенденции развития // Турция в период правления Партии Справедливости и Развития / Отв. ред. Н.Ю. Ульченко, П.В. Шлыков – М.: ИВ РАН, 2012.
- Казанцев А.А. Политика стран Запада в Центральной Азии: проекты, дилеммы, противоречия – М.: МГИМО Университет, 2009.
- Киреев Н.Г. Внутривнутриполитическая ситуация в Турции в конце XX – начале XXI вв. // Турция на рубеже XX–XXI веков / Отв. ред. И.В. Зайцева, Н.Ю. Ульченко – М.: ИВ РАН, 2008.
- Надеин–Раевский В. Поиск новой идентичности и внешняя политика Турции // РСМД. 03.09.2012. Электронный ресурс: URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=739#top
- Надеин–Раевский В.А. Россия, Турция, Иран: оценка ситуации и возможности взаимодействия // Средиземноморье – Черноморье – Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком / Под ред. Н.П. Шмелова, В.А. Гусейнова, А.А. Языковой – М.: Граница, 2006.
- Примаков Е.М. и др. Турция: новая роль в современном мире.– М.: ЦСА РАН, 2012.
- Сотниченко А.А. Эволюция политической роли армии в Турции во второй половине XX века // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Вып.4. Восток в мировой политике. Сб. науч. трудов / Под ред. В.С. Ягья СПб.: Нестор–История, 2009.
- Супонина Е. Сможет ли новый президент разбудить Египет? // РСМД. 17.06.2014. Электронный ресурс – URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3881#top
- Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2013.
- Ягья В.С. Пути – перепутья современной Турции // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Вып.4. Восток в мировой политике. Сб. науч. трудов / Под ред. В.С. Ягья – СПб.: Нестор–История, 2009.
- Ягья В.С. Турция в современной системе мировой политики // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Вып.5. Сб. статей / Под ред. В.С. Ягья – СПб.: СПбГУ, 2011.
- Aliriza B. Aras B. U.S. – Turkish Relations: A Review at the Beginning of the Third Decade of the Post-Cold War Era // CSIS Report. November 2012.
- Bakeer A.H. Iran'in Suriye'ye yönelik tutumunun analizi // USAK. Analiz No:17. Şubat 2012.
- Bala F. Ankara'da Irak Savaşları. Guncel yayincilik. Istanbul. 2007.
- Barkey H. Abromowitz M. The Turkish American Split // The National Interest. – 2010. June 17.
- Cooley A. Base Politics // Foreign Affairs, 84 (6), Nov.–Dec., 2005.
- Cornell S. Axis Shift // Policy Notes. – 2011. – Т. 3. – С. 3–6.
- Davutoglu A. Kuresel Bunalim. Istanbul: Küre Yayınları, 2009.
- Denizli V. Yaşar Yakış. Türkiye, Ortadoğu'yu birçok Batılı ülkeden daha az tanıyor // CHA. 14.09.2014
- Diñçer O.B., Yegin M., Özertem H.S. Türkiye Libya'da ne yapmaya çalışıyor? // USAK. Analiz No:5. Nisan 2011.
- Eligür B. The Mobilization of Political Islam in Turkey. Cambridge University Press, 2010. P. 97–105.
- Eligür B. Turkish–American Relations since the 2003 Iraqi War: A troubled Partnership // Brandeis University, Crown Center for Middle East Studies. No. 6. May 2006.
- Fuller G. Turkey's strategic model: Myths and Realities // The Washington Quarterly, Summer 2004, p. 51–64.

- Girdner E.J.* The Greater Middle East Initiative: Regime change, Neoliberalism and U.S. Global Hegemony // The Turkish Yearbook. Vol.XXXVI. 2005. pp. 37–71.
- Harris G.S.* US-Turkish Relations // Turkey's New World. / Ed. A. Makowsky, S. Sayari – Washington DC. 2000.
- İhsanoğlu E.* Yeni yüzyılda İslam Dünyası: İslam Konferansı Teşkilatı 1969–2009. İstanbul. Timaş Yayınları, 2013.
- Kuru A.T.* The rise and fall of military tutelage in Turkey: fears of Islamism, Kurdism, and communism // Insight Turkey. – 2012. – T. 14. – №. 2. – C. 37–57.
- Öymen D.* Uçurumun kenarında dış politika. İstanbul: 2012.
- Riccardione F.* Turkish Role in Syria: We had to agree to disagree // Atlantic Council. September 12, 2014.

THE ROLE OF THE UNITED STATES IN TURKEY'S POLITICAL TRANSFORMATIONS

ARSLAN GURBANGELDIYEV

Moscow State Institute of International Relations, Moscow, 119454, Russia

Abstract

At the beginning of the XXI century, the political landscape in Turkey changed significantly. The rise of the Justice and Development Party caused a significant decrease in the traditional influence of the military over the state policy. The strengthening of the civil authorities was also accompanied by a clear trend towards a greater political role for religion in Turkish society. The Islamic orientation of the Justice and Development Party clearly broke with the Kemalist paradigm in national politics. The internal political transformation was followed by a shift in Turkish foreign policy. Ankara attempted to position itself as a regional centre of power in the Middle East, however, the initial successes in this field transformed into an eventual weakening of Turkish standing in the world. While the region witnessed growing confrontation among competing fractions, Ankara's policy towards Syria alienated it from Iran and the Shia bloc. Meanwhile, its support of the Muslim Brotherhood in Egypt put it at odds with Saudi Arabia. The previous weakening of ties with the West and primarily with the United States made its strategic position even more problematic. Finally, in recent years, traditional partnership ties with Israel have also deteriorated.

As the international environment becomes less favourable for Turkey, its internal politics today are defined by the rise of authoritarian trends in the policy of the Justice and Development Party. The victory over the military establishment enabled it to consolidate its influence by using all available instruments, including pressure on police, justice representatives, and mass-media.

The abovementioned developments in the domestic and foreign policies of Turkey were clearly monitored by its American ally. The U.S. perceived the shifts ongoing in the country quite dispassionately until recently. Today, there is a growing annoyance in Washington with the authoritarian trends in Turkey and its too independently minded foreign policy.

Keywords:

USA, Turkey, Middle East, JDP, foreign policy strategy, democratic governance, authoritarian regime.

References

- Aliriza B. Aras B. (2012) U.S. – Turkish Relations: A Review at the Beginning of the Third Decade of the Post-Cold War Era // *CSIS Report*. November.
- Bakeer A.H. (2012) İran'ın Suriye'ye yönelik tutumunun analizi // *USAK. Analiz* No:17. Şubat.
- Bala F. (2007). *Ankara'da Irak Savaşları. Güncel yayıncılık*. İstanbul. 2007.
- Barkey H. Abromowitz M. (2010) The Turkish American Split // *The National Interest*. – 2010. June 17.

- Cooley A. (2005). Base Politics. *Foreign Affairs*, 84 (6), Nov.–Dec.
- Cornell S. Axis Shift. *Policy Notes*. – 2011. – T. 3. – C. 3–6.
- Davutoglu A. (2009) *Kuresel Bunalım*. İstanbul: Küre Yayınları.
- Demchenko A. (2011). *Vneshnepoliticheskij protsess v stranakh arabskogo Vostoka* [Foreign Policy Decision Making in the countries of the Arab East]. Ed. by D.V. Strel'tsov. Moscow: Aspekt Press.
- Dinçer O.B., Yegin M., Özertem H.S. (2011) Türkiye Libya'da ne yapmaya çalışıyor? *USAK. Analiz* No:5. Nisan.
- Druzhilovskij S.B. (2008) *Kurdskaya problema v Turtsii* [Kurdish Problem in Turkey]. *Konflikty na Vostoke: etnicheskie i konfessional'nie*. Ed. by A.D. Voskresenskij. Moscow: Aspekt Press.
- Eligur B. (2010) *The Mobilization of Political Islam in Turkey*. Cambridge University Press. P. 97–105.
- Eligur B. (2006) *Turkish–American Relations since the 2003 Iraqi War: A troubled Partnership*. Brandeis University, Crown Center for Middle East Studies. No. 6. May.
- Fuller G. (2004) Turkey's strategic model: Myths and Realities. *The Washington Quarterly*, Summer. p. 51–64.
- Girdner E.J. (2005) The Greater Middle East Initiative: Regime change, Neoliberalism and U.S. Global Hegemony // *The Turkish Yearbook*. Vol.XXXVI. pp. 37– 71.
- Harris G.S. (2000) *US–Turkish Relations. Turkey's New World*. / Ed. A. Makowsky, S. Sayari – Washington DC.
- İhsanoğlu E. (2013) *Yeni yüzyılda İslam Dünyası: İslam Konferansı Teşkilatı 1969–2009*. In: İstanbul. Timaş Yayınları.
- Ivanova I.I. (2008) *Politika Turtsii na Blizhнем Vostoke* [Turkish Policy on Middle East]. *Turtsiya na rubezhe XX–XXI vekov*. Ed. by I.V. Zaytseva, N.Yu. Ul'chenko. Moscow: IV RAN.
- Ivanova I.I. (2012) *Turetsko–israil'skie otnosheniya: novie tendentsii razvitiya* [Turkish–Israeli Relations: New Trends]. *Turtsiya v period pravleniya Partii Spravedlivosti i Razvitiya*. Ed. by N.YU. Ul'chenko, P.V. Shlykov. Moscow: IV RAN.
- Kazantsev A.A. (2009). *Politika stran Zapada v Tsentral'noj Azii: proekty, dilemma, protivorechiya* [Policy of Western states in Central Asia: projects, dilemmas, controversies]. Moscow: MGIMO Universitet.
- Kireev N.G. (2008). *Vnutripoliticheskaya situatsiya v Turtsii v kontse XX – nachale XXI vekov* [Internal Political Situation in Turkey in the end of the 20s and beginning of the 21st centuries]. *Turtsiya na rubezhe XX–XXI vekov*. Ed. by I.V. Zaytseva, N.Yu. Ul'chenko. Moscow: IV RAN.
- (2012) The rise and fall of military tutelage in Turkey: fears of Islamism, Kurdism, and communism. *Insight Turkey*. T. 14. – №. 2. – C. 37–57.
- Nadein–Raevskij V. (2006) *Rossiya, Turtsia, Iran: otsenka situatsii i vozmozhnosti vzaimodejstviya* [Russia, Turkey and Iran: situational assessment and prospects for cooperation]. *Sredizemnomorje – Tchernomorje – Kapij: mezhdubol'shoj Evropoj i Bol'shim Blizhnim Vostokom*. Ed. By N.P. Shmelov, V.A. Guseinova, A.A. Zazykova. Moscow: Granitsa.
- Nadein–Raevskij V. (2012) *Poisk novoj identichnosti i vneshnyaya politika Turtsii* [Search for New Identity and Turkish Foreign Policy]. Russian International Affairs Council. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=739#top
- Öymen O. (2012). *Uçurumun kenarında dış politika. İstanbul*.
- Primakov et al. (2012). *Turtsia: novaya rol' v sovremennom mire* [Turkey: the New Role in the Current World]. Moscow: TSSA RAN.
- Riccardione F. (2014). Turkish Role in Syria: We had to agree to disagree. Atlantic Council. September 12.
- Shakleina T.A. (2013). Fenomen i parametry velikoderzhavnosti v mirovoj politike XXI veka [Phenomenon and Criteria of Great Power in the 21st Century]. *Megatrendy: Osnovnye traektorii evolutsii mirovogo porjadka v XXI veke*. Ed. by T.A. Shakleina, A.A., Baykov. Moscow: Aspekt Press.
- Sotnichenko A.A. (2009). *Evolutsiya politicheskoy roli armii v Turtsii vo vtoroj polovine XX veka* [Evolution of the Political Role of the Army in Turkey in the Second Half of the 20s Century]. *Aktual'nye problem mirovoj politiki v XXI veke. Vyp. 4. Vostok v mirovoj politike*. Ed by. V.S. Yag'ya, St. Petersburg: Nestor–İstoriya.
- Suponina E. (2014). *Smozhet li novyj president razbudit' Egipt* [Will the new president be able to wake up Egypt]. Russian International Affairs Council – URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3881#top
- Voitolovskiy F. (2005). *Problematika global'nogo upravleniya v zapadnoj politologii* [Global Governance Issues in Western Political Science]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 3, No. 1.
- Yayg'ya V.S. (2009) *Puti – Pereputiki Sovremennoj Turtsii* [Roads – Crossroads of the Modern Turkey]. *Aktual'nye problem mirovoj politiki v XXI veke. Vyp. 4. Vostok v mirovoj politike*. Ed by. V.S. Yag'ya, St. Petersburg: Nestor–İstoriya.
- Yag'ya V.S. (2011) *Turtsiya v sovremennoj sisteme mirovoj politiki* [Turkey in the Current System of World Politics]. *Aktual'nye problem mirovoj politiki v XXI veke. Vyp. 5*. Ed by. V.S. Yag'ya, St. Petersburg: Nestor–İstoriya.